

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.3/7

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ Problems of Classifying Involvement of a Juvenile into Crime Commission

Е. П. Коровин – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук;

М. В. Бавсун – начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент;

П. В. Попов – начальник отдела по делам несовершеннолетних и молодежи прокуратуры Омской области

E. P. Korovin – Senior Lecturer at the Criminal Law, Criminology and Penal Law Department of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Russian MIA, Candidate of Legal Sciences;

M. V. Bavsun – Chief of the Criminal Law Department of the Omsk Academy of the Russian MIA, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

P. V. Popov – Chief of Juvenile and Youth Affairs Department of the Prosecutor's Office of Omsk region

***Аннотация.** В статье поднимается блок проблем, традиционно возникающих при квалификации деяний, направленных на вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления. На основе проведенного анализа предлагаются собственные варианты их решения в виде конкретных рекомендаций по юридической оценке исследуемого преступного посягательства.*

The article raises a set of problems traditionally arising in the classification of acts aimed to involve minors in the commission of a crime. The analysis conducted enables the authors to offer their own solutions in the form of specific recommendations on the legal assessment of the crime under study.

Ключевые слова: несовершеннолетний, вовлечение, совершение преступления, соучастие, посредственное исполнение.

Minor, involvement, crime commission, complicity, indirect execution.

Конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», всегда являлась проблемной с позиции юридической оценки деяния, которое в нем предусмотрено [12–15]. Нет исчерпывающего ответа на вопрос относительно того, что следует понимать под термином «вовлечение» применительно к совершению преступления несовершеннолетним, и в действующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В пункте 42 настоящего документа под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий понимаются действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия [16].

Деятельность вовлекающего заключается в том влиянии, которое он оказывает на несовершеннолетнего, деформируя волю и превращая его в преступника. Следовательно, относительно преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, сущность вовлечения проявляется в том, что взрослое лицо воздействует на сознание и волю несовершеннолетнего в целях возбуждения у него желания совершить хотя бы одно преступление, предусмотренное Особенной частью УК РФ.

Особенность такого воздействия заключается в том, что оно не парализует волю несовершеннолетнего, который по-прежнему остается свободным в выборе своего последующего поведения. Вовлекающий лишь прививает саму мысль о совершении преступления, создает мотивы, имеющие решающее значение для формирования умысла у вовлекаемого. Применяя различные способы воздействия, вовлекающий стремится вызвать у вовлекаемого решимость осознанно принять решение о совершении преступления.

Следует отметить, что, согласно абз. 5 п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ

от 1 февраля 2011 г. № 1, в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения [16]. Такая позиция представляется верной лишь в случае, если будет отсутствовать дополнительная квалификация по ст. 150 УК РФ, поскольку, с нашей точки зрения (обоснованной выше), потерпевшим при совершении преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, может быть только несовершеннолетнее лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, установленного УК РФ за преступление, в которое оно было вовлечено или вовлекалось.

Сложности в ходе уголовно-правовой оценки термина «вовлечение» возникают при определении способа совершения данного деяния. Арсенал деятельности вовлекающего может быть самым разнообразным, начиная с предложений совершить преступление и заканчивая применением к вовлекаемому несовершеннолетнему физического или психического насилия. Действия вовлекающего могут носить одномоментный характер, а могут и продолжаться длительное время. Сила и значение этих способов, безусловно, зависят от разнообразных отношений, в которых находятся вовлекающий и вовлекаемый. Безусловно, оптимальным законодательным решением было бы нормативное закрепление всех возможных способов вовлечения других лиц в совершение преступления. Оно исключало бы возможность расширительного или, наоборот, узкого толкования вовлечения в теории уголовно-правовой науки и в следственно-судебной практике. Однако составление такого перечня весьма затруднительно.

В разное время отдельные авторы, исследовавшие проблему, называли в качестве способов вовлечения различные действия. По мнению А. Жиряева, к таковым относятся поручение,

исполнение приказа, физическое принуждение и угрозы, просьба, выражение желания, совет и др. [2, с. 61–65]. П. Ф. Тельнов к убеждению относит просьбы, предложения, подкуп, а к принуждению – приказ, угрозу, физическое насилие [23, с. 88]. М. И. Ковалев предлагает относить к таким способам подкуп, просьбу, поручение, убеждение и уговоры, приказ, физическое насилие, обман [4]. В один ряд с указанными способами вовлечения В. С. Комиссаров ставит такие действия, как возбуждение чувства мести, ненависти, совет об оптимальных месте, средствах и способах совершения преступления, обещание оказать содействие [20, с. 390]. По мнению А. Е. Якубова, к способам вовлечения также можно отнести лесть и уверение в безнаказанности [9, с. 362]. В. А. Якушин наряду с изложенными в качестве способов вовлечения предлагает считать втягивание в пьянство, развратный образ жизни [26, с. 108]. Р. А. Адельханян к числу способов вовлечения добавляет возбуждение зависти к другим лицам либо корыстные устремления [25, с. 346].

Как видим, перечисленные способы настолько разнообразны, что вряд ли могут быть формализованы. В этой связи справедливым выглядит высказывание В. Д. Спасовича, который указывал на то, что ни одному, даже самому дальновидному, законодателю не дано предугадать «все формы нравственного влияния одного лица на другое» [22, с. 173].

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что попытки перечислить все возможные способы вовлечения других лиц в совершение преступления не имеют никакого смысла. Каким бы серьезным ни был подход к такой работе, все равно найдется способ, формально не запрещенный уголовным законодательством, но по своему внутреннему содержанию являющийся общественно опасным при вовлечении других лиц в совершение преступления.

Нельзя также признать удачным использование в действующем УК РФ смешанного подхода к определению способов вовлечения в совершение преступления. Во-первых, такая конструкция уголовно-правовой нормы заостряет внимание правоприменителей на конкретных способах, оставляя при этом без внимания весь тот арсенал, которым может пользоваться вовлекающий. А во-вторых, использование в соответствующих уголовно-правовых нормах таких фраз, как «или другим способом», «или иным способом», дела-

ет их практически идентичными с теми нормами, в которых не указываются конкретные способы подстрекательства.

Представляется, что при определении признаков вовлечения в совершение преступления наряду с общими признаками достаточно указать лишь два родовых способа воздействия на вовлекаемого: 1) убеждение – как понятие, обобщающее все способы воздействия на подстрекаемого без силового влияния; 2) принуждение – как понятие, обобщающее все способы воздействия на подстрекаемого с применением насилия или угроз. Целесообразность такой конструкции заключается в том, что она позволит законодательно дифференцировать все способы вовлечения в зависимости от степени их общественной опасности. Указанные родовые способы отличаются друг от друга степенью влияния вовлекающего на вовлекаемого. В такой конструкции способов именно волевой аспект сознания вовлекающего и вовлекаемого отражен различным образом.

Первая группа способов характеризуется меньшей степенью общественной опасности, поскольку волевое влияние вовлекающего при убеждении явно не выражено и не стоит на первом месте. При вовлечении в совершение преступления путем убеждения воля вовлекаемого практически не претерпевает ограничений. В этой связи деятельность вовлекаемого более общественно опасна. Именно возможные насильственные способы воздействия на сознание и волю другого лица типичны для вовлечения, поскольку отвечают отношениям взаимности, складывающимся в совместной преступной деятельности.

Принудительные способы вовлечения по своей природе являются более опасными, чем способы, относящиеся к убеждению, потому что волевое влияние вовлекающего и деформация воли вовлекаемого имеют яркое внешнее проявление. Вовлекающий желает подавить волю вовлекаемого путем применения психического или физического насилия. В свою очередь, вовлекаемое лицо под влиянием принудительного воздействия должно сделать выбор между несколькими вариантами поведения. С одной стороны, охраняемые уголовным законом блага и интересы, а с другой стороны, преступное деяние, совершая которое, лицо обезопасит себя от возможных неблагоприятных последствий. В связи с этим степень общественной опасности поведения лица, вовлеченного в совершение преступления путем

принуждения, будет гораздо ниже, нежели степень общественной опасности поведения лица, вовлеченного путем убеждения.

Более того, в некоторых случаях, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, при принуждении лица к совершению преступления его деяние не будет признано преступным, поскольку будет рассматриваться как совершенное в состоянии физического или психического принуждения (ст. 40 УК РФ). Указанная норма предписывает решать вопрос об уголовной ответственности вовлеченного в совершение преступления по правилам правомерности крайней необходимости. В случае если будут соблюдены все условия правомерности этого обстоятельства, исключаящего преступность деяния, вовлеченный должен быть освобожден от уголовной ответственности. В свою очередь, вовлекающий, лишивший вовлекаемого возможности выбора определенных вариантов поведения, должен рассматриваться как посредственный исполнитель преступления (ч. 2 ст. 33 УК РФ) со всеми вытекающими из этого последствиями.

В этой связи верным представляется утверждение А. В. Пушкина о том, что «насильственные способы воздействия на личность подстрекаемого образуют соучастие только тогда, когда не создают у него состояния крайней необходимости и подавляют его волю до такой степени, что он теряет способность руководить своими действиями либо осознавать их характер» [19, с. 15].

Особого внимания заслуживает такой способ вовлечения, как обман. Под обманом понимается умышленное введение в заблуждение или поддержание заблуждения с целью побудить к определенному поведению в интересах обманывающего или других лиц [21, с. 45]. Обман, как правило, рассчитан на ответное поведение другого лица. Вовлекающий должен обманывать несовершеннолетнего не только с целью ввести его в заблуждение, но и стремясь вызвать у обманываемого определенное поведение. Поэтому мы полагаем, что само по себе сообщение ложных сведений не может рассматриваться как способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, по крайней мере, потому, что сообщаемый ложные сведения не склоняет лицо к совершению конкретного преступления. Справедливым следует признать утверждение А. П. Козлова, который считает, что обман не содержит в себе специфического способа воздействия, он характеризует собой лишь ложность

того или иного применяемого способа [5, с. 137]. Наглядным примером тому является дело, рассмотренное Изобильненским судом Ставропольского края. Б. уговорил несовершеннолетнюю дочь своей сожительницы Т. совершить совместно с ним кражу, обманывая ее относительно того, что «ей ничего за это не будет», при этом обещая поделить с ней деньгами после продажи похищенного. Указанные деяния Б. судом были квалифицированы по пп. «а»–«г» ч. 2 ст. 158 и ч. 4 ст. 150 УК РФ [24].

Таким образом, с нашей точки зрения, одним лишь обманом, без применения иных способов вовлечения (уговоров, предложений и т. п.) нельзя склонить несовершеннолетнего к совершению конкретного преступления.

Угрозу следует относить к принудительным способам вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. Угроза как способ вовлечения – это разновидность психического насилия, выражающегося в обещании причинить несовершеннолетнему какие-либо неблагоприятные последствия, направленные на подавление воли этого лица с целью вовлечения его в совершение преступного деяния. Для признания угрозы в качестве способа принуждения необходимо, чтобы она была реальной, т. е. у потерпевшего должны быть основания опасаться осуществления этой угрозы. В противном случае сущность угрозы практически не будет отличаться от таких способов убеждения, как уговор, просьба, предложение. Такой же подход можно встретить в уголовно-правовой литературе [1, с. 25; 8, с. 114, 128].

Предусмотренная в ч. 3 ст. 150 УК РФ более суровая по сравнению с ч. 1 ст. 150 УК РФ уголовная ответственность обусловлена повышенной степенью общественной опасности способов воздействия на несовершеннолетнего, одним из которых является применение насилия. Вопрос об определении объема физического насилия при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступлений в настоящее время также остается дискуссионным. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 не содержит соответствующих разъяснений. Не решен рассматриваемый вопрос и в юридической литературе.

По мнению С. В. Бородина, под насилием в ч. 3 ст. 150 УК РФ следует понимать как опасное, так и не опасное для жизни и здоровья воздействие, в том числе повлекшее причинение

легкого вреда здоровью [11, с. 94]. А. Н. Игнатов под насилием в рассматриваемом случае понимает побои, причинение какого-либо вреда здоровью, связывание, запираение в помещении и т. д. [6, с. 322, 324]. С позиции Р. А. Адельханяна, насилием в ч. 3 ст. 150 УК РФ признается причинение «максимум легкого вреда здоровью несовершеннолетнего» [25, с. 347]. Ю. Е. Пудовочкин считает, что в тех случаях, когда законодатель не конкретизирует понятие насилия указанием на объем причиняемого здоровью вреда, он подразумевает те виды насилия, которые на здоровье не посягают. В связи с такой позицией он считает, что применительно к ч. 3 ст. 150 УК РФ причинение тяжкого, средней тяжести, легкого вреда здоровью (как умышленно, так и по неосторожности), причинение смерти по неосторожности, истязание всегда должны требовать дополнительной квалификации [18, с. 116]. Аналогичную позицию занимают А. Е. Якубов и С. А. Разумов [7, с. 379; 9, с. 366].

Полагаем, что наиболее правильной является позиция тех исследователей, которые разрешают анализируемую ситуацию путем сопоставления санкций ч. 3 ст. 150 УК РФ и других уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за посягательства на жизнь, здоровье или телесную неприкосновенность [3, с. 33; 10, с. 85; 17, с. 21]. Указанные авторы считают, что насилием в ч. 3 ст. 150 УК РФ следует считать нанесение побоев, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью. В случае причинения тяжкого вреда

здоровью (ст. 111 УК РФ), или убийства несовершеннолетнего (ст. 105 УК РФ), или в случаях, когда вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления было сопряжено с квалифицированным истязанием (ч. 2 ст. 117 УК РФ), либо насилие совершено в виде изнасилования или насильственных действий сексуального характера (ст.ст. 131, 132 УК РФ), содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 150 УК РФ и соответствующей статьей Особенной части уголовного закона.

Во многом это обусловлено тем, что судебной практикой и доктриной уголовного права выработано правило, согласно которому более общественно опасный способ совершения преступления, нежели само преступное деяние, требует дополнительной квалификации по соответствующей статье Особенной части УК РФ. Исходя из данного правила, выход за пределы легкого вреда здоровью, а тем более побоев должен влечь за собой и дополнительную ответственность в соответствии с фактически наступившими последствиями или совершенными деяниями (изнасилование, насильственные действия сексуального характера и т. д.). Несмотря на небесспорность данного утверждения, тем не менее его реализация на правоприменительном уровне позволит избежать случаев принятия различных решений в схожих или даже одинаковых ситуациях. Единство судебно-следственной практики выступает в качестве одного из основополагающих критериев, объясняющих необходимость его применения в правоприменительной деятельности.

Библиографический список

1. Демин, Ю. М. Преступления против правосудия : лекция / Ю. М. Демин. – М. : ЦИИНМОКП МВД России, 2000. – 40 с.
2. Жиряев, А. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении / А. Жиряев. – Дерпт : Тип. Г. Лаакманна, 1850. – 145 с.
3. Иванова, М. В. Ответственность и наказание за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. В. Иванова. – Волгоград, 2004. – 201 с.
4. Ковалев, М. И. Соучастие в преступлении. Ч. 2 : Виды соучастников и формы соучастия в преступлении / М. И. Ковалев // Уч. тр. Свердл. юрид. ин-та. – Свердловск, 1962. – Т. 5. – С. 71–87.
5. Козлов, А. П. Соучастие: традиции и реальность / А. П. Козлов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 362 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под общ. ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. – М. : ИНФРА-М : НОРМА, 1996. – 592 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Верхов. Суд Рос. Федерации ; ред. В. М. Лебедев. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2004. – 917 с.
8. Коростылев, О. И. Уголовно-правовая характеристика угрозы : моногр. / О. И. Коростылев. – Ставрополь : СФ КА МВД России, 2005. – 149 с.
9. Курс уголовного права : учеб. для вузов : в 5 т. / Г. Н. Борзенков [и др.] ; под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Т. 3 : Особенная часть / Г. Н. Борзенков, В. С. Комиссаров. – М. : Зерцало-М, 2002. – 468 с.
10. Мкртычян, Б. А. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Б. А. Мкртычян. – Челябинск, 2003. – 210 с.
11. Новое уголовное право России. Особенная часть : учеб. пособие / Г. Н. Борзенков [и др.] ; под ред. Н. Ф. Кузнецовой. – М. : Зерцало : ТЕИС, 1996. – 391 с.

12. О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность : постановление Пленума Верхов. Суда СССР от 3 дек. 1976 г. № 15 // Сб. постановлений Пленумов Верхов. Судов СССР и РСФСР (Рос. Федерации) по уголов. делам. – М. : Спарк, 1997. – С. 126.
13. О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность : постановление Пленума Верхов. Суда СССР от 12 сент. 1969 г. № 8 // Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1969. – № 5. – С. 3.
14. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 14 февр. 2000 г. № 7 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. – 2000. – № 4. – С. 10.
15. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность : постановление Пленума Верхов. Суда РСФСР от 25 дек. 1990 г. № 5 // Сб. постановлений Пленумов Верхов. Судов СССР и РСФСР (Рос. Федерации) по уголов. делам. – М. : Спарк, 1997. – С. 469.
16. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 1 февр. 2011 г. № 1 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. – 2011. – № 4. – С. 2–10.
17. Осипьян, А. В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений или иных антиобщественных действий (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Осипьян. – Ростов н/Д., 2004. – 26 с.
18. Пудовочкин, Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву / Ю. Е. Пудовочкин ; науч. ред. Г. И. Чечель. – СПб., 2002. – 291 с.
19. Пушкин, А. В. Подстрекательство к совершению преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Пушкин. – М., 1995. – 24 с.
20. Российское уголовное право : учеб. для вузов по специальности «Юриспруденция» : в 2 т. / ред. А. И. Рарог. – М. : Профобразование, 2003. – Т. 2 : Особенная часть / Э. Н. Жевлаков, Н. Г. Иванов, В. С. Комиссаров [и др.]. – 3-е изд., испр. и доп. – 2003. – 901 с.
21. Сабитов, Р. Обман и его значение для квалификации некоторых преступлений / Р. Сабитов // Социалист. законность. – 1975. – № 12.
22. Спасович, В. Д. Учебник уголовного права / В. Д. Спасович. – СПб., 1863. – 428 с.
23. Тельнов, П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П. Ф. Тельнов. – М. : Юрид. лит., 1974. – 208 с.
24. Уголовное дело № 1-377/97 // Арх. Изобильнен. район. суда Ставропол. края за 1997 г.
25. Уголовное право России. Практический курс : учеб.-практ. пособие / ред.: Р. А. Адельханян, А. В. Наумов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 714 с.
26. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учеб. / ред.: Л. В. Иногамова-Хегай, А. И. Рарог, А. И. Чучаев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ИНФРА-М : Контракт, 2009. – 800 с.